

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173735-750>

Андреева Юлия Олеговна

к.и.н., научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Julia.o.andreeva@gmail.com

РЕЛИГИОЗНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОКАН В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Аннотация. Религиозная группа русских молокан (вместе с духоборцами и субботниками) была выслана в Закавказье из центральных губерний России в XIX веке и сегодня составляет незначительное, но заметное меньшинство в моноэтничной Армении. «Сектанты» оказались в двойственном положении в Закавказье. С одной стороны, они находились в услужении Российской Империи, а с другой, считались еретиками и врагами российской государственности. Молоканство не является ни гомогенным, ни статичным явлением, это собирательное понятие, которое могут использовать разные сторонники течения, как идентифицирующие себя с группой, так и одиночки. Статья основана на полевых материалах автора, собранных в ходе экспедиций к молоканам в Армению в 2018-2019 годах. Цель исследования состоит в том, чтобы посмотреть, как религиозное сообщество, имеющее репутацию закрытого, статичного и негибкого, справляется с вызовами современного мира в демократическом государстве. Строгие нормы, обилие запретов и изоляция хорошо поддерживались в эпоху преследований и гонений, но насколько возможно сохранить их в сегодняшней Армении? Основная тема статьи — взаимодействие этнорелигиозного меньшинства со светским миром. Границы между светским и религиозным условны, и значимы, прежде всего, для самих верующих. Сегодня они достаточно легко поддерживают свою религиозность в обществе, где большинство соотносит себя с национальной религией — Армянской апостольской церковью. Нередко описывая себя, молокане обращаются к перечислению запретов, которые важны и сегодня, но соблюдаются уже не с таким тщанием, как раньше, особенно среди молодого поколения. Основные опасения старцев связаны с рисками «смешаться» и потерять свою религиозную идентичность. Проживание в иноэтничном окружении дает больше возможностей сохранять собственные обычаи и «не уходить в мир».

Ключевые слова: молокане; прыгуны; Закавказье; Армения; религиозное меньшинство; сектантство; государство.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173735-750>

Julia O. Andreeva

Cand. Sci. (History), Researcher

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS,
St. Petersburg, Russia

Julia.o.andreeva@gmail.com

MOLOKAN RELIGIOUS COMMUNITY IN MODERN ARMENIA

Abstract. The religious group of the Russian Molokans (along with the Dukhobors and Subbotniks) was exiled from Russia to Transcaucasia in the 19th century and today constitutes an insignificant but noticeable minority in mono-ethnic Armenia. These “cultists” found themselves in an ambiguous position in Transcaucasia. On the one hand, they served the Russian Empire, on the other – they were considered heretics and enemies of the Russian statehood. The Molokan religion is neither homogenous, nor a static phenomenon; it is a collective term, which can be associated with both groups and single individuals. The article is based on the author’s field material, collected during the expedition to the Molokans in Armenia in 2018-2019. The study aims to reveal how such an isolated, static, inflexible religious community deals with the challenges of the modern world in a democratic state. Strict norms, an abundance of prohibitions and isolation were well maintained in the era of persecution, but how much is it possible to preserve them in today’s Armenia? The main subject of the paper is the interaction of ethno-religious minorities with the secular world. The boundaries between the secular and the religious are conditional, and are meaningful, first of all, for the believers themselves. Today they quite easily maintain their religiosity in a society where the majority follows the national religion – the Armenian Apostolic Church. When describing themselves, the Molokans turn to enumerating prohibitions that are important today, but are no longer observed with such care as before, especially among the younger generation. The main fears of the elders are related to the risks of “mixing” and losing their religious identity. Living in a foreign ethnic environment gives you more opportunities to preserve your own customs and not giving up on religion.

Keywords: Molokans; Pryguns; Transcaucasia; Armenia; religious minority; cultism; state.

Введение

Молокане, высланные из центральных губерний России в XIX в. в Закавказье, составляют количественно незначительное, но видимое меньшинство в современной моноэтнической Армении. Согласно статистическим данным, в 1886 г. в пределах современной Армении было 7,5 тысяч молокан [1, с. 8]. В переписи 2011 г. насчитывается 11 911 русских, из них 2 755 – это молокане.

Духовное христианство молоканство, вероятно, возникло во второй половине XVIII в. в Тамбовской губернии. Как и другие «сектанты» (духоборцы, субботники), молокане оказались на Кавказе после того, как при Николае I были отнесены к «особо вредным сектам» и их рекомендовали высылать из центральных губерний России, преследуя две цели – изолировать от православного населения и заселить новые окраины. Часть из них была отправлена туда насильно, некоторые позднее присоединялись к единоверцам добровольно. Николас Брейфогл относит молокан, вместе с духоборцами и субботниками, к невольным колонизаторам новых территорий, ставя их высылку на Кавказ в один ряд с общеевропейскими процессами колонизации [2, с. 5–6].

Высланные религиозные диссиденты оказались в двойственном положении в Закавказье. С одной стороны, они находились в услужении Империи, в частности, были носителями политики русификации и неофициальными агентами полиции. С другой стороны, считались еретиками и врагами российской государственности. При этом духовные христиане никогда не занимали официальных постов и не следовали бездумно государственному диктату, а, скорее, старались извлечь выгоду из вынужденного сотрудничества с властью [2, с. 131]. Например, они не брали в руки оружие, но оказывали значительную помощь в военных операциях Российской империи в Закавказье, в частности, строили больницы, доставляли продовольствие и другое снабжение, размещали войска в своих деревнях [2, с. 136–141].

В литературе молокане, как и последователи других старых религиозных «сект», описываются как жесткие ревнители благочестия. Исследователи отдавали предпочтение описанию религиозных обычаев, текстов, власти лидеров общины, истории их появления [1; 2; 3]. До сих пор влияние Библии, религиозных виртуозов и высказываний единоверцев на повседневную жизнь молокан невозможно недооценить. Эсхатологические ожидания и сегодня находятся в центре идеологии и упоминаются на каждом собрании. Мне хотелось бы сосредоточиться не на догматических особенностях, а на столкновениях молокан, до сих пор опирающихся на библейский авторитет, с вызовами светского государства. Миграция, глобализация и цифровизация, несомненно, отразились на жизни общины. Компьютер и смартфон вошли в жизнь большинства последователей духовного христианства, а кофе и лаваш стали частью ежедневного рациона. Как молокане приспособляются к меняющимся обстоятельствам,

какие видят плюсы и минусы в своей во многом маргинальной позиции? Что удерживает их от «ухода в мир»?

Конечно, я провожу границы между светским и религиозным условно, опираясь, прежде всего, на понятия самих верующих, предпочитающих следовать традиционной и во многом устаревшей дихотомии. Для представленного сообщества отделение от светского вовсе не переносит их автоматически к сакральному, но соотносит их с трудным путем следования божественной воле, а также с опытом сопротивления в дореволюционное и советское время, когда многие из их практик были вызовом сложившемуся православному или атеистическому порядку. Перестать поддерживать обычаи предков, вступить в брак с иноверцем означает для них «уход в мир» или отхождение от бога.

Как и другие религиозные сообщества, многие годы испытывавшие преследования со стороны государства (староверы, духоборцы, субботники) и бежавшие от контроля на окраины или в зарубежье, молокане настороженны в отношении светских властей. Каждая из групп по-своему взаимодействует со светскими институтами. В Закавказье количество религиозных диссидентов, приехавших туда в первой половине XIX века, сильно сократилось за последние десятилетия. Миграция в Россию, Израиль, США и другие страны стала общим местом. Молокане Армении, пожалуй, единственная живая группа с активной молодежью, которая продолжает веру отцов, не воспринимая ее только как наследие предков. Последнее во многом характеризует ситуацию с молоканами, духоборцами и субботниками в Азербайджане и Грузии, где их осталось очень мало, и они не образуют влиятельной религиозной общины. Тем интереснее рассмотреть пример, где этноконфессиональное меньшинство пока еще сохраняет свое обособление от русских. В то же время именно они являются эталонными русскими для многих жителей Армении, совсем не считаясь таковыми на родине.

Особенности вероучения духовных христиан молокан

Духовные христиане не признают поклонение иконам, мощам и крестам, церковную иерархию, таинства и роскошь. Библия служит главным источником авторитета, и никакая организация или пророк не могут конкурировать с ее влиянием [4, с. 48]. Любая религиозная дискуссия отталкивается от толкования Священного Писания, которое они трактуют иносказательно. Последователи одного из направлений молоканства — прыгунов («духовные», как они называют себя в Армении) — дополнительно используют книгу «Дух и жизнь»¹ и с особым почтением относятся к Максиму Гавриловичу Рудометкину, одному

¹ Основную часть книги составляют «Боговдохновенные изречения Максима Гавриловича Рудометкина, Царя Духов и Вождя Сионского народа Духовных Христиан Молокан Прыгунов». Она была написана в XIX веке и впервые издана в США в 1915 г. [3, с. 222].

из молоканских пророков XIX в. За свою историю молоканство не раз делилось на толки, на сегодня сохранились два самых крупных – постоянные и прыгуны. Постоянные молокане, как правило, используют на своих собраниях только Библию, отмечают основные православные праздники и среди них нет пророков.

Прыгунское течение выделилось в середине XIX века в Армении. В начале XX в. после пророчества о необходимости миграции многие из них уехали в США² в поисках лучшей доли. Они получили такое название за «хождение в духе», экстатичное служение, прыжки и притопывание во время службы. Прыгуны опираются главным образом на Ветхий Завет, отмечают всего пять праздников по еврейскому календарю – Пасху, Пятидесятницу, Память труб, Судный день и Кущи. Прыгуны-максимисты, считающие М.Г. Рудометкина воплощением Святого Духа на земле, признаются самыми строгими блюстителями религиозных обычаев и догм. При этом, в процессе полевой работы среди молокан Армении мне не удалось наблюдать строгого деления на прыгунов и максимистов: большинство просто не задумывается над вопросами теологии. Обычно они не могут ни себя, ни своих соседей-знакомых отнести к прыгунам или максимистам, хотя довольно четко делят прыгунов и постоянных. Маркирование происходит не в эссенциалистских терминах, а на уровне практик – в какое собрание ходит человек, получает ли он пенсию, отмечает ли день рождения и т.п. Самые строгие приверженцы отказываются от государственных выплат и не отмечают светские праздники. Исследователь русских иудействующих Александр Львов напоминает, что ранние иконоборческие движения долгое время не имели названий, и лишь в начале XIX в. из разнородной массы религиозных диссидентов стали выделять такие группы, как молокане, духоборцы, субботники [4, с. 21]. В данной среде интерпретировать тексты Священного Писания дозволяется любому верующему, «правильность» толкований удостоверяется не мнением образованной элиты, заинтересованной в формировании профессиональных границ, а согласием рядовых членов сообщества признать толкование соответствующему тексту «закона» и следовать ему на практике» [4, с. 48–49].

Сегодня определение той или иной общины в первую очередь внешняя характеристика, основанная на строгости соблюдения практик. Исследовательница армянских молокан И.В. Долженко отмечает, что существовавшие в прошлом идеологические отличия между прыгунами и максимистами исчезли, и сейчас можно говорить о едином течении – прыгунстве [5, с. 88]. Когда я спрашивала наиболее сведущих молокан о максимистах, то после раздумья они не раз мне отвечали, что, по сути, все прыгуны – максимисты, потому что используют в богослужении книгу «Дух и жизнь», хотя и по-разному к ней относятся.

² В штатах Калифорния и Орегон и сейчас сохраняются общины молокан. В советское время они не имели почти никаких контактов со своими родственниками и единоверцами с исторической родины, однако в 1990-е многие американские молокане стали приезжать в Армению и спонсировать строительство молитвенных домов.

От рядовых членов общины обычно никакого ответа получить не удавалось, один раз мне объяснили, что «максимисты – самые духовные молокане» (муж., ок. 55 лет).

Хотя в разные годы молокане пробовали создавать объединяющие институции³, разрабатывали единые богослужебные обряды – эти попытки увенчались небольшим успехом. Каждая община устанавливает собственные правила и порядок службы, по-своему позволяет интерпретировать библейские тексты и, исходя из этого, следовать разным практикам питания, брачным, профессиональным и гражданским нормам. Опять же отсутствие контактов между сообществами, проживающими в разных странах, привело к значительным расхождениям в ритуальном и бытовом поведении, поэтому говорить о каком-то едином молоканстве не приходится. Например, молоканам в Армении мало что известно о грузинских единоверцах (и тем более об азербайджанских). Я описываю практики, с которыми сталкивалась среди молокан Армении, и этот материал не всегда можно экстраполировать на их общины в других регионах, в частности, в Азербайджане, Грузии, России, США⁴, куда молокане попадали в другие исторические периоды и в иной культурный контекст.

Особенности полевой работы

В основе статьи лежат материалы автора, собранные в ходе полевой работы среди молокан Армении в 2018–2019 годах, главным образом среди общин прыгунов. Выбор именно их сообществ связан с тем, что почти все постоянные молокане либо эмигрировали, либо «ушли в мир», либо перешли в прыгунские собрания или баптизм. Так, например, в Ереване осталось только одно небольшое собрание постоянных и пять общин прыгунов. Первоначально я планировала работать в молоканских селах Фиолетово и Лермонтово⁵, однако посетив собрание в Ереване, решила сосредоточиться на исследовании городского сообщества. Оказалось, что сельские собрания хотя и оживленные⁶, но значительная часть религиозной жизни сосредоточена в столице. Отсутствие рабочих мест, тяжелые условия сельскохозяйственного труда и низкие цены на сбыт выращенной продукции приводят к тому, что сельчане переезжают в город на временные заработки или насовсем⁷. Среди моих собеседников уже

3 Например, в начале XX в. молоканский проповедник Н.Ф. Кудинов пытался создать «прогрессивное молоканство», придав ему строго централизованный вид [6, с. 300]. Он же в 1923 г. организовал Всероссийский союз религиозных общин духовных христиан-молокан (просуществовал до 1929 г.), где был председателем совета [6, с. 309]. В 1991 году был создан Союз общин духовных христиан молокан, в который вошла только часть общин постоянных молокан [7, см. 88-89].

4 См. о молоканах в современной Армении [5], Азербайджане [8; 9], Грузии [10], США [11; 12], России [7].

5 Только они дожили до настоящего времени. Подробнее о молоканских селах, их обычаях и образе жизни см. [1].

6 В каждом из молоканских сел – Фиолетово и Лермонтово (Лорийская область) – существует по три собрания.

7 Также после распада Советского Союза началась большая миграция в Россию, США и Австралию, где есть молоканские общины.

есть не одно поколение тех, кто был рожден в городе, но есть и те, кто до сих пор проживает в селе, а в городе работает сезонами. Контакты между городом и селом очень тесные, у многих столичных жителей есть близкие родственники в Фиолетово и Лермонтово. Например, ереванцы приезжают туда в гости, за черемшей или на обряды перехода, привозят оттуда и распределяют в собраниях мясо правильно забитых животных или свежие овощи. Городские лучше владеют армянским языком, потому что хотя бы частично обучаются в школе на армянском. Сельские могут понимать армянский, но предпочитают говорить, как правило, на русском. Горожане больше ориентированы на получение образования и освоение профессий, чаще хотят получить среднее специальное или даже высшее образование.

Никакой публичной информации с адресами молитвенных домов мне найти не удалось, все эти сведения – устное знание, передающееся в кругу своих. Однако нельзя сказать, что молокане прячутся или скрывают что-то от чужаков, скорее, каждая община – это расширенная семья, где все знают друг друга и не готовы впускать любого прохожего в свой «дом». Меня не выгоняли из собраний, хотя мое присутствие и вызывало подчас пересуды и недоумение у верующих. В новом собрании мне требовалось представиться и просить разрешения присутствовать у пресвитера. Мне позволяли остаться, но всегда просили не делать фото-, видео- и аудиозаписи. В итоге, за все время моей полевой работы я смогла записать несколько интервью, все остальное – это заметки в полевом дневнике. Большая часть наблюдений проводилась в молитвенных собраниях молокан, также я была несколько раз в домах молокан Еревана, сел. Фиолетово и сел. Лермонтово. Я присутствовала как на самом богослужении, так и на праздниках, которые несколько раз выпадали на мой приезд; консультировалась со старцами в вопросах теологии и узнавала их мнение по поводу текущих событий; принимала участие в бытовых разговорах на «женской половине» до или после собрания.

Молоканское собрание

Посещение собраний вовсе не удел пожилых людей, на них регулярно приходят представители разных возрастных групп. Обычно мужчин и женщин примерно поровну, если перевес и бывает, то чаще в сторону мужчин – именно они ответственны за молитву. Наиболее значимы в общине слова пресвитера и старцев, они же ходят на все собрания, публично реагируют на текущие политические и экономические события. По сути, именно они влияют на повседневное поведение и общественную позицию молокан. Во время бесед обсуждаются библейские тексты, они комментируются в том числе с учетом сегодняшнего дня. В ходе обсуждения возможна полярность мнений, дискуссии и просьбы к старцам объяснить непонятное место в Священном Писании.

В собрании все обращаются друг к другу «братья и сестры», приветствуют поцелуями в щеку. И.В. Долженко указывает, что еще в XIX в. все члены религиозной группы были связаны между собой семейно-брачными и ритуальными отношениями, закрепленными вероучением [1, с. 13]. Как сказала мне одна информантка: «хоть какой, но свой» (жен., 55 лет), поясняя, что только в кругу единоверцев возможно взаимопонимание и душевный комфорт. Главным для них является даже не этнический ресурс, а религиозный. Армянский исследователь Сурен Золян отмечает, что «члены общины идентифицировали себя скорее с единоверцами, чем с соотечественниками» [13]. В случае беды или другого важного события община оказывается первой, кто делит радости и печали. Когда требуется молитвенная помощь, нуждающийся «выходит на круг» и обращается ко всем присутствующим помолиться о нем или о близком, могут звонить также и в другие собрания с просьбой «войти в помощь».

За время полевой работы в Ереване я посещала три разных собрания прыгунов и одно постоянных молокан, но большую часть времени провела в одном собрании, которое условно можно отнести к умеренным прыгунам. Контакты между общинами очень тесные, верующие посещают собрания друг друга, приглашают на праздники и другие коллективные события, однако в каждом собрании есть свои богослужбные или ритуальные особенности. Например, в одной общине много пророков и часто практикуются индивидуальные пророчества, в других – пророков нет совсем; где-то большое значение имеет проповедь, а в каких-то собраниях она хоть и есть, но довольно формальна. Опять же, тот или иной порядок в сообществе не является статичным, со сменой пресвитера, старцев и пророков меняется и контроль за коллективным поведением, и экстатичность богослужения. И в наши дни продолжают формироваться общины, а от существующих крупных собраний откалываются небольшие группы верующих, собирающиеся на дому. Молоканство не является ни гомогенным, ни статичным явлением, это собирательное понятие, которое могут использовать разные сторонники течения, как идентифицирующие себя с группой, так и одиночки.

Противник «группового» подхода к этническим, конфессиональным или профессиональным сообществам, Роджерс Брубейкер, говорит о том, что понимание групп как сущностей и акторов ограничивает видение социальной реальности, поскольку любая «групповость» – переменная, а не константа». В разные периоды ощущение группового единства может усиливаться и ослабляться, и только в редкие моменты кризиса – отражать настроения большинства [14, с. 18]. Также и в среде русскоязычных молокан наибольшая солидарность возникает при столкновении с «чужим», когда внутренние различия становятся не так значимы. Например, один из постоянных молокан говорил мне о том, что он тоже не выходит на работу в дни прыгунских праздников, потому что не хочет объяснять своим работодателям-армянам вероучительные

отличия и рассказывать о несовпадении праздников прыгунов и постоянных, предпочитая относить себя к молоканам вообще, а не к конкретной общине.

Молокане и государство

Несмотря на то, что течение духовных христиан выросло в оппозиции доминирующей религии, они редко вступали в открытую конфронтацию с государством. Армянские молокане не являются, да и в советское время не были религиозным подпольем, не призывают уходить из греховного мира, находящегося под властью Антихриста, полностью разорвав с ним связи. Они признают, что светский мир находится рядом с ними и с ним приходится соприкасаться, но принадлежность к своему кругу позволяет удержаться от многих его соблазнов. Поэтому считается, что браки, заключенные с немолоканами, уводят не только от сообщества, но и от бога. Сегодня они достаточно легко поддерживают свою религиозность в обществе, где большинство соотносит себя с национальной религией – Армянской апостольской церковью, при этом разделяют разный набор вернакулярных верований и практик [15, с. 330].

Не вступая в конкурентные отношения с доминирующей религией и занимая нишу этнического меньшинства, они спокойно принимаются в обществе. Молоканские домработницы и специалисты по отделке квартир высоко ценятся и считаются надежными и ответственными работниками. Поиск места, как правило, осуществляется через сети родственников и друзей, поскольку официальное трудоустройство в Армении нередко требует посредничества или финансовых затрат. Многие из моих собеседников работают без оформления и ощущают шаткость своего положения. Однако такое положение характерно в целом для армянского общества и не ограничивается какой-либо этнической группой. В данном случае молокане, как и многие армяне, прибегают к неформальным практикам.

Татьяна Никольская выделяет несколько вариантов позиций протестантов в советское время: патриотическая, оппозиционная, пацифистская и космополитическая [16, с. 93–94]. Для молокан, которые также относились к религиозным меньшинствам и во многих положениях сходились с протестантами, характерна в большей степени последняя. Однако даже не демонстрируя заинтересованность в политической жизни страны, считая себя гражданами «небесной отчизны», они не всегда готовы ее покинуть, объясняя свое желание остаться силой привычки, пророчествами старцев или близостью к горе Арарат.

Духовные христиане-молокане политически нейтральны, что выражается в избегании государственных структур, но при этом не в сопротивлении им. Они законопослушны, платят налоги. При этом большинство из них не ходит на выборы, не участвует в митингах, не посещает публичные мероприятия и праздники. Позиция молокан схожа с поведением многих религиозных групп,

подвергавшихся гонениям как в имперской России, так и в советский период. Стремление сохранить себя с минимальными потерями близко политике выживания, о которой писал Алексей Юрчак, говоря об иронической невовлеченности позднесоветских митьков и большинства советских граждан [17, с. 474–475]. Разумеется, духовные христиане во многом отличны как от столичных интеллигентов, так и от условий, в которых они существуют. Более того, они высоко ценят свою свободу в независимой Армении и отмечают, что сейчас никаких преследований в их адрес нет, однако считают, что такое положение временно и в любой момент можно ожидать новую волну гонений.

Апокалиптические настроения, советский опыт притеснений и скепсис в отношении политических лидеров и демократических перемен, характерный для постсоветских стран в целом, приводят к тому, что молокане дистанцируются от любого присутствия в государственной политике и провозглашенных целей. Так, они вынуждены участвовать в военном конфликте между Арменией и Азербайджаном осенью 2020 г., но не принимают милитаристскую и национальную риторику. Стремление не получать «даров» государства в виде социальных выплат, связано, по-видимому, с нежеланием быть должным ему. Отказываясь играть по правилам «противника», они не протестуют, а стараются нейтрализовать его влияние на частную и религиозную жизнь. В то же время групповость в отношении многих политических вопросов консолидируется в устах пресвитера и старцев, перечить которым, особенно во время собрания, не принято. В то же время в личных беседах многие молокане высказывали куда большую заинтересованность в текущих делах государств Армении и России и даже говорили о переменах, которые могут привести к экономическому благополучию.

Религиозная группа молокан в Армении официально не зарегистрирована⁸, такая стратегия является во многом наследием советского прошлого, когда регистрация вела к обязательствам «действовать в рамках действующего законодательства», вмешательству и контролю со стороны органов власти. Некоторые религиозные группы уходили в подполье, не имея возможности или желания зарегистрировать свою деятельность [18, с. 126–128]. Молокане нередко рассказывают о попытках вмешательства чиновников в жизнь общины в советское время, о вербовке агентов среди верующих. При этом признается, что в суровых условиях сообщество было сплоченнее, чем в наше время, когда никаких преследований нет. Молоканские «пророки» в советское время были сильнее, видели человека насквозь, а то, что они говорили во время молений, всегда сбывалось через 2–3 дня (муж., 24 года).

Обсуждая политику, молокане, как правило, ссылаются на общепринятое мнение – «да что от нас зависит?» или «они уже там выбрали» и характеризуют

⁸ Как и в остальных вопросах, здесь нет никакого единства, например, молоканские общины в Грузии регистрировались в советское время.

себя как пассивных субъектов, лишенных политической воли. Такая позиция не уникальна для постсоветского общества. Свою агентность они реализуют в просьбах богу, чтобы волнения в стране никак их не коснулись. Впрочем, любая власть и амбиции кажутся им иллюзорными и сиюминутными, а попытки религиозных лидеров участвовать в публичной политике лицемерными и уводящими от бога: «Быть у власти – все равно быть во греху, там неправда, фальшь, что-то... почему есть пословица, говорят, кто у власти, тот у сласти. Все равно жрет неправильные хлеба» (муж., ок. 55 лет). Один из старцев сам заговорил со мной на эту тему (вероятно, обращаясь ко мне как к представителю православия), выразив отношение следующим образом: «Представьте, Христос пошел бы в сенаторы!». Старцы относят ее не только к себе – «духовной элите» молоканства, но и к рядовым верующим. Отношение к руководству страны как к неизбежному злу совмещается с представлением о том, что любая власть от бога, поэтому не их дело лезть в политику. Конечно, фаталистические настроения подкрепляются частой сменой власти в Армении, экономическими проблемами после распада СССР и обретения независимости. Определенная привычка к переменам, а также апелляции к многострадальной истории изгнанничества и неприкаянности есть и в словах молодого молоканина, родившегося в Армении: «Если Бог так устроил, то он знает для чего это. Мы подчиняемся власти» (муж., 26 лет).

Принимая существующий порядок и считая его несовершенным, в том числе и осуждая коррупцию, последователи не отказываются от официальной медицины, светского образования, официального трудоустройства. В случае необходимости они обращаются за медицинской помощью. Разумеется, молитва (особенно коллективная) имеет куда более значимый целительный эффект, но не отменяет проведение операции. Так, перед родами или хирургической процедурой, верующие часто выходят на круг и просят помолиться о благополучном исходе. Считается, что именно совместная просьба и слова пророка оказываются решающими.

К получению образования относятся двойственно: с одной стороны, оно может уводить от бога, а с другой стороны, желательно, но финансово затратно, большие семьи редко могут позволить себе обучать детей в университетах. В молоканских селах позиции учителей, ветврачей и медработников занимают армяне, которые нередко ездят на работу из ближайших городов, молокане не всегда даже заканчивают среднюю школу. Нужно сказать, что многие из молокан, которые переселяются в Россию, ориентированы уже на совсем другую идеологию: оставаясь внутри общины, они заканчивают университеты и заняты высококвалифицированным трудом.

Работа на государственных позициях осуждается, но таких случаев очень мало. Один из молокан после Бархатной революции вошел в парламент как

представитель национального меньшинства⁹, что вызвало неоднозначную реакцию в сообществе и пассивное неприятие старцев. Житель сел. Лермонтово рассказывал о своей службе в милиции в советское время и о риске «уйти в мир», но дядя помог ему одуматься («тебя Бог накажет, ты отсюда уйди!»), вернуться в родное село и жениться на молоканке. Интересно, что родителям он не мог признаться в характере своей занятости, говорил, что работает на стройке. Такая деятельность вдали от дома была для них приемлемее, чем работа в органах (муж., ок. 55 лет).

Запреты как ограждение от светского мира

Молокане, нередко описывая себя, обращаются к перечислению запретов: нельзя разводиться, употреблять в пищу свинину и алкоголь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, праздновать день рождения, смотреть телевизор, фотографироваться и многое другое. С.Е. Никитина указывает, что для подобных конфессиональных сообществ характерно обостренное самосознание, запреты же являются способом не только сохранения культуры, но и средством самоидентификации [19, с. 191]. Такой язык самописания подкрепляется и приезжими журналистами, как из России, так и из Армении, которые ищут в молоканских селах «заповедник русской культуры», аутентичность, и даже «Русь изначальную»¹⁰.

Экзотизация иноэтнического сообщества, чрезмерное акцентирование закрытости границ¹¹ представителями СМИ и соседями, в общем, разделяется, и молоканами, отмечающими, что им такое положение идет на пользу, в частности, помогает сохранять религиозные обычаи. Запреты на фотографирование, аудио- и видеосъемку объясняются желанием уберечься от опасностей глобального светского мира с его публичностью и ошибочными ценностями. Как не раз мне говорили старцы: «чем меньше про нас знают – тем лучше». Пока Лыковых не нашли, они жили хорошо, а когда их обнаружили, праведный образ жизни был нарушен (муж., ок. 40 лет). Страх того, что «мир» уведет молокан от бога совмещается с опасением неправильной репрезентации. Старейшины крайне болезненно воспринимают рассказы о том, что где-то молокане употребляют свинину или разводятся, подчеркивая, что это никакие не молокане и называться так не имеют права. Все равно про армянских молокан снято довольно много документальных фильмов и репортажей. Один из собеседников

9 Тот же молоканин получил депутатский мандат и в 2021 г. вместе с представителями курдской, езидской и ассирийской общин. См. Нацменьшинства Армении призвали справедливее распределять мандаты в парламенте. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/365429/> © Кавказский Узел (дата обращения 13.09.2021).

10 Армянские молокане. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9ERCY6l69KY> (дата обращения 13.09.2021).

11 Д. Рыговский показывает, что старообрядческая община – тоже является объектом экзотизации [20].

рассказывал, что длительное время подвергался осуждению общины за согласие сняться в одном из фильмов, но, разумеется, ни о каком изгнании из сообщества речь не идет.

Жители молоканских сел сегодня чаще открываются внешнему миру, больше выезжают в города и даже другие страны в поисках работы и лучшей жизни. Одна из семей в сел. Фиолетово уже несколько лет принимает туристов, но идя на такой непривычный шаг, она заботится о своей репутации в селе и следит за соблюдением религиозных устоев. В частности, они всячески подчеркивают, что не работают по воскресеньям, у них в доме нет ни запретной еды и напитков (в первую очередь свинины и алкоголя), ни танцев с песнями, только общение и чаепитие из самовара.

Четкое соблюдение предписаний в наибольшей степени характерна для пожилого возраста, молодежи разрешаются послабления, которые с каждым годом затрагивают все больше разных сфер. Как правило, после заключения брака ожидается большая строгость в исполнении обычаев, а если мужчина отпустил бороду, то он накладывает на себя ряд обязательств, в том числе запрет ее сбривать: «если бороду отпустил, значит, должен, ну, как бы... мирские дела, говорим, все оставить – не выпивать, не курить, еще что-то такое. Вот должен все исполнять заповеди» (муж., ок. 70 лет). Как видно на собраниях, многие мужчины даже после 40 лет гладко выбриты, их регулярно спрашивают о том, когда же они отпустят бороду, но принуждения со стороны старцев нет.

Заключение

Молокане в Армении представляют собой неоднородные общины с разными бытовыми и религиозными взглядами, но с внешней точки зрения они составляют этнорелигиозное меньшинство [21, с. 297-397] и не претендуют на властные или другие доминирующие позиции, принимая свое место во вторых рядах. Не все и не всегда соглашались с таким положением вещей, но протестные голоса в сообществе слышны редко. Недовольство образованных молокан, вынужденных заниматься неквалифицированным трудом, совмещается с желанием отдельных семей ограничить детей от вреда знаний. Молоканское сообщество многослойно и неоднородно, мнение горожан не всегда совпадает с позицией сельчан, а пожилые молокане намного более консервативны, чем молодежь.

Не для всех моих собеседников принадлежность к религиозному сообществу является доминирующей, они нередко больше опираются на круг семьи и друзей. В то же время, разговаривая с исследователем-чужаком, они в большей степени подчеркивали свою отнесенность к группе [14]. Так происходит и во многих контактах с армянами, которые по определенным признакам – бороде, платкам, длинным платьям, светлым волосам и голубым глазам –

наделяют их определенными чертами, свойственными каждому из них в разной степени.

Недоверие любой светской власти и стремление молокан держаться от нее особняком объясняются не только догматическими особенностями, но и широкой распространенностью неформальных экономических практик, отсутствием твердых социальных гарантий в стране. При этом они видят и определенные плюсы от такого соседства, которые, несмотря на тяжелое экономическое положение, многих удерживают на месте. Среди них: отсутствие давления за убеждения и обвинений в сектантстве, возможность исповедовать обычаи, в том числе заключать ранние браки и иметь выходные в религиозные праздники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Долженко И.В. Религиозный и культурно-бытовой уклад русских крестьян-сектантов Восточной Армении (XIX — начало XX в.) // *Духоборцы и молокане в Закавказье*. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 7-25.

2. Breyfogle N.B. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Cornell University Press, 2005.

3. Никитина С.Е. Сотворение мира и концепт исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // *От бытия к исходу*. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сборник статей. Вып. 2. Москва: ГЕОС, 1998. С. 220-230.

4. Львов А.Л. *Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество*. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2011.

5. Долженко И.В. Современное молоканство Армении: структура церковной организации // *Научные труды Центра арменоведческих исследований Ширака*. Вып. VII. Гюмри, 2004. С. 88-91.

6. Буянов Е.В. *Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX — первой трети XX вв.* Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013.

7. Иникова С.А. Проблемы этноконфессиональных групп духоборцев и молокан // *Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Отв. ред. Олкотт М.Б., Малашенко А.В.* М.: Изд. Московский центр Карнеги, 1998. С. 84-104.

1. Dolzhenko IV. Religious, cultural and everyday life of the Russian sectarian peasants in Eastern Armenia (19th – early 20th century) [*Religiozni i kul'turno-bytovoi ukhad russkikh krest'ian-sektantov Vostochnoi Armenii (XIX - nachalo XX v.)*]. *Dukhobors and Molokans in Transcaucasia [Dukhobortsy i molokane v Zakavkaz'e]*. Moscow: IEA RAN, 1992: 7-25. (In Russ)

2. Breyfogle NB. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Cornell University Press, 2005.

3. Nikitina SE. Creation of the world and the concept of exodus / march in the culture of Molokan-Pryguns [*Sotvorenie mira i kontsept iskhoda/pokhoda v kul'ture molokan-prygunov*] *From being to the end. Reflection on biblical stories in Slavic and Jewish folk culture. Collection of articles Ot bytiia k iskhodu. Otrazhenie bibleiskikh siuzhetov v slavianskoi i evreiskoi narodnoi kul'ture*]. Vol. 2. Moscow: GEOS, 1998:220-230. (In Russ)

4. Lvov AL. *The Plough and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community [Sokha i Piatiknizhie: russkie iudeistvuiushchie kak tekstual'noe soobshchestvo]*. St. Petersburg: EUSPb, 2011. (In Russ)

5. Dolzhenko IV. Modern Molokans of Armenia: Structure of Church Organization. Scientific Works of the Shirak Center for Armenian Studies [*Sovremennoe molokanstvo Armenii: struktura*

8. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Некоторые аспекты современного состояния русских молоканских общин Азербайджана // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений: этнология, история, археология, культурология (2010-2011). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011.

9. Сулейманов А. Община Молокан в Азербайджане: От идентичности религиозной к идентичности локальной и этнической // Heinrich Boell Stiftung. South Caucasus Region. 09.09.2008. Режим доступа: <https://ge.boell.org/en/2008/09/10/obshchina-molokan-v-azerbaydzhane-ot-identichnosti-religioznoy-k-identichnosti-lokalnoy-i> (дата обращения 26.08.2021).

10. Андреева Ю.О. Последние из молокан в современной Грузии // Кунсткамера. 2019. №2. С. 16-26.

11. Dunn E., Dunn S.P. The Molokans in America // *Dialectical Anthropology*. 1978. Vol. 3. No. 4. P. 349-360.

12. Hardwick S.W. Religion and Migration: The Molokan Experience // *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 1993. Vol. 55. P. 127-141.

13. Золян С. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 61-84.

14. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

15. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). P. 315-332. DOI: 10.1556/AEthn.56.2011.2.4

16. Никольская Т.К. Русские протестанты: отношение к политике (советский период) // Богословские размышления. Спецвыпуск «Реформация 500». 2015. С. 93-104.

17. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

18. Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в позднем СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. №4. С. 124-130.

19. Никитина С.Е. Что объединяет конфессиональные сообщества // Старообрядчество: история, культура, современность.

tserkovnoi organizatsii. Nauchnye trudy Tsentra armenovedcheskikh issledovaniy Shiraka]. Vol. VII; Giumri, 2004:88-91. (In Russ)

6. Buyanov EV. *Spiritual Christians Molokans in Amur Region in the second half of 19th-first third of the 20th century [Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoi oblasti vo vtoroi polovine 19 – pervoi treti 20 vv.]*. Blagoveshchensk: Amur State University, 2013. (In Russ)

7. Inikova SA. *Problems of ethno-confessional groups of Dukhobors and Molokans. The factor of ethno-confessional identity in post-Soviet society [Problemy etnokonfessional'nykh grupp dukhobortsev i molokan. Faktor etnokonfessional'noi samobytnosti v postsovetskom obshchestve]*. Olkott M.B., Malashenko A.V. (eds.). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 1998:84-104. (In Russ)

8. Pchelintseva ND, Soloviyeva LT. Some aspects of the current state of the Russian Molokan communities in Azerbaijan [Nekotorye aspekty sovremennogo sostoianiia russkikh molokanskikh obshchin Azerbaidzhana] *Lavrovsky collection. Proceedings of the XXXIV and XXXV Lavrovsky (Central Asian-Caucasian) readings: ethnology, history, archeology, cultural studies (2010-2011)*. St. Petersburg: MAE RAN, 2011. (In Russ)

9. Suleimanov A. Molokan Community in Azerbaijan: From Religious Identity to Local and Ethnic Identity [Obshchina Molokan v Azerbaidzhane: Ot identichnosti religioznoi k identichnosti lokal'noi i etnicheskoi]. *Heinrich Boell Stiftung. South Caucasus Region*; 09.09.2008. Available from: <https://ge.boell.org/en/2008/09/10/obshchina-molokan-v-azerbaydzhane-ot-identichnosti-religioznoy-k-identichnosti-lokalnoy-i>

10. Andreeva J. The Last Molokans in Contemporary Georgia [Poslednie iz molokan v sovremennoi Gruzii]. *Kunstkamera*. 2019, 2: 16-26.

11. Dunn E, Dunn SP. The Molokans in America. *Dialectical Anthropology*. 1978, 3(4):349-360.

12. Hardwick SW. Religion and Migration: The Molokan Experience. *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 1993, 55: 127-141.

13. Zolyan S. *Russian language in Armenia. Russian language abroad [Russkii iazyk v Armenii. Russkii iazyk zarubezh'ia]*. St. Petersburg: Zlatoust, 2013: 61-84. (In Russ)

14. Brubaker R. *Ethnicity without Groups [Ethnicnost' bez grupp]*. Moscow: HSE Publ., 2012. (In Russ)

Материалы международной конференции, 11-13 ноября 2014 г. М.: Центр истории и культуры старообрядчества имени боярыни Морозовой, 2014. Т. 2. С. 185-197.

20. Рыговский Д.С. Экзотизация как познание: усинские старообрядцы и оптики до-революционных этнографических описаний религиозных сообществ // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 111-127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

21. Schulze I., Schulze W. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016.

15. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011, 56(2): 315–332. DOI: 10.1556/AEthn.56.2011.2.4

16. Nikolskaya TK. Russian Protestants: relations with politics (Soviet period) [Russkie protestanty: otnoshenie k politike (sovetskii period)]. *Bogoslovskie razmyshleniia. Spetsvypusk "Reformatsiia 500"*. 2015: 93-104.

17. Yurchak A. *Everything was Forever, Until It was no More: The Last Soviet Generation [Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie]*. Moscow: NLO, 2014. (In Russ)

18. Belyakova NA. State and religious organizations in late USSR [Vlast' i religioznye ob'edineniia v pozdnem SSSR: problema registratsii]. *Otechestvennaia istoriia*. 2008, 4: 124-130. (In Russ)

19. Nikitina SE. What unites the confessional communities? [Chto ob'ediniat konfessional'nye soobshchestva]. *Old Belief: history, culture, modernity. Materials of International conference, 11-13 November, 2014 [Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'. 11-13 noiabria 2014 g.]*. Moscow. 2014, 2: 185-197. (In Russ)

20. Rygovsky DS. Exotization as cognition: Usinsky Old Believers and Perspectives of Pre-Revolutionary Ethnographic Descriptions of Religious Communities [Ekzotizatsiia kak poznanie: usinsk- ie staroobriadtsy i optiki dorevoliutsionnykh etno- graficheskikh opisaniia religioznykh soobshchestv]. *New Research of Tuva*. 2021, 3: 111–127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

21. Schulze I, Schulze W. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021 г.
Статья принята в печать 02.10.2021 г.